Кочуков Сергей Анатольевич

НАЦИОНАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ РОССИИ В ПЕРИОД РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877-1878 ГГ.

В статье рассматриваются получившие распространение в годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг. национальные и этнические стереотипы, определяются идейно-политические факторы их формирования и эволюции, а также их место в общественном сознании России 1870-х гг.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/8-4/29.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. VI. С. 112-114. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/8-4/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(47).081/82+929

В статье рассматриваются получившие распространение в годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг. национальные и этнические стереотипы, определяются идейно-политические факторы их формирования и эволюции, а также их место в общественном сознании России 1870-х гг.

Ключевые слова и фразы: национальные стереотипы; общественное сознание; русско-турецкая война 1877-1878 гг.

Сергей Анатольевич Кочуков, к.и.н., доцент
Кафедра российской цивилизации и методики преподавания истории
Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
kochukovsgu1974@yandex.ru

НАЦИОНАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ РОССИИ В ПЕРИОД РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877-1878 ГГ.©

Русско-турецкая война 1877-1878 гг. была одной из наиболее «идеологизированных» войн России, ее причины, ход и последствия в значительной мере зависели от фактора общественного мнения; в этот период вопросы внешней политики находились в пределах не только правительственной политики, но и общественной инициативы. Эти обстоятельства в эпоху перехода от имперской идеологии к националистической неизбежно должны были способствовать активному творчеству в области национальных и этнических стереотипов.

Бесспорно, среди идейных течений, оказавших влияние на формирование национальных стереотипов в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг., наиболее важное значение имеет славянофильство. Идея освобождения балканских славян как цель внешнеполитической активности России в представлениях славянофилов была связана с идеей цивилизационной противоположности России и Запада. В их понимании ценности, связанные с включением православных славян Балканского полуострова в пространство национального мифа русского самосознания, были однозначно приоритетными в сопоставлении с прагматическими интересами внешней политики.

В речи, которая была произнесена в Московском славянском благотворительном комитете 6 марта 1877 г., И. С. Аксаков заявил: «Восточный вопрос для России в существе своем прав и ясен. Это вопрос нашего собственного бытия, наш русский, а не западно-европейский. Ибо христианский Восток есть область христианства восточного, во главе которого мы стоим, и иного быть не может. Россия и все славяне Балканского полуострова – это целый особый мир православно-славянский, все оторванные его члены должны быть возвращены этому миру» [10, д. 136, л. 10 об.].

«Славянский вопрос» связывался в общественном сознании с враждебным образом «Другого» (не только собственно Османской империи, но и европейского Запада). Во многом это было связано с пониманием внешнеполитического положения России после Крымской войны. И в данном случае уже можно говорить о всеобщем характере подобных настроений, а не связывать их только со славянофилами. Примером могут служить слова И. С. Тургенева: «Нас, русских (и славян) везде ненавидят и никакого другого чувства не питают». При этом И. С. Тургенев выступал как ярый противник превращения возможной освободительной войны в войну религиозную, на которой настаивали И. С. Аксаков, М. Г. Черняев и др. Тургенев писал: «Я, Вы знаете, не славянофил и никогда им не буду; сочувствовать глубоко движению, охватившему всю Россию, уже потому не в состоянии, что оно исключительно религиозное; но силу и стихийную громадность его признаю − и сам желаю войны, как единственного исхода из этого взволнованного мрака; да − видя на месте ненависть к нам всей Европы − нельзя, наконец, не углубиться в самого себя − и не признать за Россией права поступить, как ей хочется» [11, с. 349].

С одной стороны, представление образа противника, то есть турок, было упрощенным и отягощенным активным творчеством в области создания национальных стереотипов. С другой стороны, столь же стереотипным был и создаваемый образ «угнетенных славян». К примеру, еще в 1860 г. И. С. Аксаков так описывал турецкого Пашу: «Я должен сознаться, что турки внушают мне страшное омерзение, − турки несколько цивилизованные еще больше, чем простые турки. Отвратительно видеть, как отдают императорские почести здешнему Паше (как представителю султана), − тучной свинье, знающей сотню слов французских, носящей лакированные сапоги и вливающей в себя ежедневно ведро кофею!» [1, с. 20]. Непосредственно накануне войны все без исключения газеты и журналы в самых ярких красках представляли зверство турок против славян. Русский писатель П. Д. Боборыкин отмечал: «…турецкие экзекуции в Болгарии вызвали взрыв негодования даже в нашем простом народе» [12, с. 158].

Накануне войны Министерство иностранных дел буквально «завалили» различными «Проектами» о возможной и необходимой борьбе с Турцией за свободу славян. Особенно характерна в этом отношении анонимная записка «О положении дел на Востоке». В ней недвусмысленно указывалось: «Турецкая администрация, можно сказать, не существует с того времени, как султана не стали бояться янычары и, оставаясь столь же невежественными, столь же замкнутыми, перестали чувствовать необходимость передавать управление в надежные руки. С тех пор турецкое управление стало мелочной интригой, личный состав администрации на местах разросся вдесятеро… В то же время турецкие финансы кончаются сами собой, не только вследствие непомерных займов, которыми турки воспользовались с детским легкомыслием как только им предоставлялось это право, но еще и потому, что источники доходов истощены, для уплаты процентов они обременили

© Кочуков С. А., 2011

народ непомерными налогами, заставляющими производителей работать себе в убыток. Империя обнищала, но более всего обнищало мусульманское население, так как они не работали как христиане и менее умеют перебиваться при невыгодных обстоятельствах» [2, д. 709, л. 4-5 об.]. (Здесь нельзя не заметить политически опасной недооценки противника). Иногда рядом с враждебным образом «турок» могло появиться и упоминание не менее опасных «западных держав». Особенно показательна в этом отношении статья «О самосознании русского народа». В ней в частности говорилось: «Подвластные Турции славяне глубоко осознали, что образование есть единственная теперь точка опоры против враждебных интриг латино-германских держав запада к миру славянскому, они поняли, что со временем оно даст им возможность пред целым миром заявить о своем существовании и протестовать против бесчеловечия западного христианства» [3, д. 25, л. 1 об.].

Напротив, образ «угнетенных славян» («братьев-славян», «братьев по вере», «братушек») с самого начала формировался как дружественный и возвышенно-жертвенный образ. Славянам приписывались исключительно положительные свойства. Это относится, например, к описаниям в периодических изданиях России сербских и болгарских ополченцев: «Понятливость, дисциплина, любовь к делу… отличают этих болгар» [9, с. 3]; «Иные дрались в Сербии и украшены медалями; другие, потеряв семью и родной кров в Болгарии, бежали в Россию… Ополченцы почти все грамотные, большинство даже довольно развито» [5, с. 137]. На фоне укрепления в общественном сознании антагонистических национальных стереотипов «турок» и «братьев-славян» все более значимым становилось устойчивое словосочетание «бескорыстная помощь России».

Вообще творчество в области этнических стереотипов не ограничивалось образами турок и славян. К примеру, в своих корреспонденциях Г. К. Градовский уделял внимание этнографическим описаниям разных народов, способствуя созданию новых этнических стереотипов. Он, в частности, дает достаточно емкие характеристики народов, живущих на Кавказе, говорит о каракалпаках (называя их карапапахи). Причем, если к армянам Градовский был преисполнен неподдельного интереса и даже уважения, ведь они жестоко страдали от турецкого ига, то каракалпаки описываются только в черных тонах: «Нужно заметить, что карапапахи не представляют какой-нибудь национальности. Это сброд всякой сволочи, не желающей работать и живущей за чужой счет, большей частью путем насилия и грабежа» [4, с. 136].

Столкновение с реальностью приводило к крушению иллюзий, а национальные стереотипы, которые по своей природе амбивалентны, начинали проявлять свою «обратную сторону»: «братья по вере», «братья-славяне», «угнетенные народы» превращались в восприятии русских в недисциплинированных воинов, плохих борцов за свою же собственную свободу и даже совсем не патриотов своего Отечества. Князь Мещерский, говоря о событиях 1876 г., в своих «Воспоминаниях» писал, что главный недостаток сербской армии «…это отсутствие чего бы то ни было похожего на патриотическое настроение во всех сербах, на спасение которых явился Черняев и явились сотни и тысячи русских добровольцев. А уж об отсутствии братского сочувствия к русским и говорить нечего: я его нигде не нашел в Сербии» [8, с. 366]. Примером «перевернутого» в отрицательную сторону стереотипного восприятия славян может служить описание облика болгар, сделанное священником А. Лебедевым, непосредственно присутствовавшим на войне 1877-1878 гг. По мнению А. Лебедева: «Наружный вид болгар непривлекателен. Грязное лицо и руки, всклокоченные волосы, суровый взгляд… Они выросли в рабстве; подчинение из-за страха научило их хитрить и обманывать, а поведение самого господаря всегда служило для них живым примером нечестности. Наконец, самое положение их во время войны давало им повод хитрить и скрытничать перед русскими. Исход войны был неизвестен; болгары не знали, останется ли у них прежний господарь или будет новый» [7, с. 7-8].

Интересно, что даже корреспондент А. В. Каирова, сторонница активных военных действий и выполнения исторической миссии России на Балканах, вынуждена была приводить в своих сообщениях подобные заявления: «Но если враждебно настроены были против братушек солдаты, то офицеры и чиновники смотрели на дело еще хуже. У них слышалась какая-то ненависть и презрение к болгарам. Я спросила одного, что если б им снова пришлось драться за свободу болгар, пошли бы они с прежним энтузиазмом?

– Едва ли. За честь России мы всегда готовы головы положить, но надо уж другую какую причину найти, а свободой и даже страданиями болгар теперь уже никого не воодушевить» [6, с. 19].

Изменение эмоциональной окраски и оценочной стороны национальных стереотипов югославянских народов в ходе русско-турецкой войны 1877-1878 гг. сопровождало общий процесс угасания общественного интереса к войне и спада воодушевления и энтузиазма по поводу борьбы за свободу славян.

Список литературы

1. **Аксаков И. С.** Иван Сергеевич Аксаков в его письмах // Русские о Сербии и сербах. СПб.: Алетейя, 2006. С. 15-26.
2. **Государственный архив Российской Федерации** (ГАРФ). Ф. 730. Оп. 1.
3. **ГАРФ.** Ф. 1750. Оп. 1.
4. **Градовский Г. К.** Война в Малой Азии в 1877 году: очерки очевидца. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2008. 233 с.
5. **Иллюстрированная хроника войны**: в 2-х т. СПб.: Военная типография, 1877-1888. Т. 1. 534 с.
6. **Каирова Н. В.** Воспоминание газетного корреспондента о Болгарии // Дело. 1886. № 2.
7. **Лебедев А.** Путевые наблюдения во время последней турецкой войны. СПб.: Типография И. Д. Сытина, 1879. 287 с.
8. **Мещерский В. П.** Мои воспоминания. М.: ЗАХАРОВ, 2001. 687 с.
9. **Правительственный вестник.** 1877. 26 апреля.
10. **Российский государственный архив литературы и искусства** (РГАЛИ). Ф. 10. Оп. 1.
11. **Тургенев И. С.** Полное собрание сочинений и писем: в 28-ми т. М.: Наука, 1966. Т. 11. 616 с.
12. **Цимбаев Н. И.** Освобождение Болгарии и русское общество // Россия и освобождение Болгарии. М.: Наука, 1982. С. 154-182.

NATIONAL STEREOTYPES IN PUBLIC CONSCIOUSNESS OF RUSSIA DURING THE RUSSIAN-TURKISH WAR PERIOD OF 1877-1878

Sergei Anatol'evich Kochukov, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Russian Civilization and History Teaching Methods
Saratov State University named after N. G. Chernyshevskii
kochukovsgu1974@yandex.ru

The author considers the national and ethnic stereotypes widely spread during the Russian-Turkish war of 1877-1878 and determines the ideological-political factors of their formation and evolution as well as their place in the public consciousness of Russia of the 1870s.

Key words and phrases: national stereotypes; public consciousness; Russian-Turkish war of 1877-1878.

УДК 322

Статья посвящена анализу основных вариантов российского монархического проекта в современном русском национал-патриотическом движении. Автор уделяет большое внимание причинам распространения монархическо-православного мировоззрения, а также рассматривает особенности идеологии и практику ряда радикальных православных организаций, их деятельность в СМИ, в том числе в Интернете.

Ключевые слова и фразы: русский национализм; империя; радикализм; православный монархизм; национал-патриотизм; православные СМИ; фундаментализм.

Александр Геннадьевич Кузьмин, к. полит. н.
Кафедра истории, политологии и социологии
Сыктывкарский государственный университет
akuzmin09@rambler.ru

ПРАВОСЛАВНЫЙ МОНАРХИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ ИДЕОЛОГИИ И ОРГАНИЗАЦИИ ДВИЖЕНИЯ©

В современном русском национал-патриотическом движении немаловажным идеологическим аспектом является проблема религиозной идентификации. Одним из главных направлений религиозного самоопределения у русских националистов в XXI в. выступает православная религия, имевшая длительную традицию существования в царской России, которая в постперестроечный период уверенно отвоевывает утраченные при советской власти позиции, в том числе и в идеологической сфере. Как и любое мировоззрение, политизированная религиозная (православная) идеология имеет в своем составе различные направления, в том числе и радикальное.

Следует сказать, что русские «ультраправославные» испытывают серьезные проблемы в консолидации движения по причинам идеологической и организационной раздробленности. Имеющиеся трудности позволяют некоторым исследователям прийти к выводу о непригодности имперской (православной) идеологии для сегодняшней ситуации в стране: «Очевидно, что под воздействием настроений масс и собственных экономических интересов, с начала 2000-х годов российский истэблишмент вступил в длительный поэтапный дрейф от имперского интернационализма и космополитизма в сторону русского этнонационализма. Имперский проект не имеет сегодня поддержки ни у русских, ни у других народов РФ и бывшего СНГ» [1, с. 460]. Тем не менее, у самих русских националистов имперские идеи пользуются определенной популярностью. Можно сказать, что деление на, условно говоря, «имперцев» и «русистов» является одним из основных маркеров современного этапа националистического движения. Этот факт также признается рядом современных исследователей русской ультраправой идеологии [3, с. 66-67; 5, с. 66-79; 9, с. 142-143; 10].

Во вступительной статье первого номера журнала «Имперское возрождение» (с 2004 по 2011 гг. вышло более 30 номеров) его редактор Михаил Смолин заявил: «Наш политический альманах ставит себе масштабную цель — инициировать и идейно способствовать имперскому пути возрастания для нашего Отечества, считая Имперское возрождение русским путем в будущее» [12]. Таким образом, говорить о том, что политические радикальные православные проекты на сегодня не имеют особого значения, на наш взгляд, преждевременно. Несмотря на теоретические споры внутри движения, суть политической основы идеологии современного православного монархизма мало изменилась со времени исторического правления русских императоров. Один из монархических публицистов предлагает такой вариант, который можно считать своего рода идеологическим стандартом движения: «На наших знаменах должно быть написано: Россия Православная, Россия Царская, Россия национальная. Национальная монархия – немедленно! Меньшего нам не надо. Меньшее – это не просто поражение, это крах всех надежд. Не в силе Бог, а в Правде. И Правда на нашей стороне» [4, с. 29-30].

© Кузьмин А. Г., 2011